

ГОРЛОВ Александр Витальевич, старший преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: strix63@yandex.ru, AuthorID: 116488

GORLOV A.V., Senior Lecturer, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: strix63@yandex.ru, AuthorID: 116488

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ТОНИ КЛИФФА:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**

**FORMING THE THEORY OF STATE CAPITALISM TONY CLIFFE: A CRITICAL
ANALYSIS OF THE MAIN PROPOSITIONS**

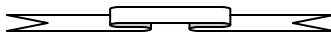
Аннотация: Цель статьи заключается в критике основных положений теории государственного капитализма Тони Клиффа. В ходе анализа автором установлено, что ни одно из представленных им положений не соответствует истине: во-первых, Октябрьская революция 1917 года не была пролетарской, во-вторых, приход к власти сталинистов не представлял собой контрреволюционный переворот, в-третьих, в СССР правила не бюрократия, и, в-четвёртых, советский капитализм не был реакционным. Опираясь на научные факты, автор статьи стремится показать, что во избежание ошибок, допущенных Тони Клиффом, советский строй следует рассматривать как номенклатурный.

Ключевые слова: теория государственного капитализма Тони Клиффа, Октябрьская революция 1917 года, марксистская теория формаций, номенклатурная буржуазия, рабочее государство.

Abstract. The purpose of the article is to criticize the main positions of Tony Cliff's theory of state capitalism. In the course of the analysis, the author finds out that none of the positions presented by him is true: firstly, the October Revolution of 1917 was not proletarian, secondly, the coming to power of the Stalinists did not represent a counter-revolutionary coup, thirdly, bureaucracy did not rule in the USSR, and, fourthly, the Soviet capitalism was not reactionary.

As a result, the author shows that in order to avoid mistakes made by Tony Cliff, the Soviet system should be considered as nomenclatural.

Keywords: Tony Cliff's theory of state capitalism, October Revolution of 1917, Marx 's theory of formations, nomenclatural bourgeoisie, workers' state.

ВВЕДЕНИЕ

Основная тематика исследования предполагает рассмотреть ключевые положения теории государственного капитализма Тони Клиффа (Игаэля Глюкштейна) и дать им научную оценку. Так, основу этой теории составляют следующие тезисы:

1. Октябрьская революция 1917 года была пролетарской. Это значит, что к власти пришёл пролетариат.
2. Позднее (во второй половине 20-х годов XX века) российский пролетариат был отстранён от власти советской бюрократией.
3. Бюрократия создала государственный капитализм – общественный строй, при ко-

тором основные средства производства находятся в руках государства.

4. Государственный капитализм – это реакционная форма капитализма.

Рассмотрим все эти тезисы по порядку.

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

То, что в ходе Великой Октябрьской революции к власти пришёл пролетариат, никогда не вызывало у Тони Клиффа каких-либо сомнений. Например, в предисловии к самому известному своему произведению «Государственный капитализм в России» он категорически утверждает, что в 1917 году была пролетарская революция [6, С. 5]. Столь же безапелляционно сказано об этом и в одной из последних работ Клиффа [12, С. 29].

Откуда такая уверенность Тони Клиффа в пролетарском характере Октября? Здесь, безусловно, сказалось влияние Ленина и Троцкого. Но главным фактором было то, что большевистская революция 1917 года вызвала мощный подъём международного рабочего движения. Этот беспрецедентный всплеск революционной энергии пролетариата произвёл на Тони Клиффа такое неизгладимое впечатление, что его отношение к Октябрьской революции оставалось благовоительным даже после бесславного и стремительного развала «социалистического лагеря» во главе с СССР. Уже незадолго до своей смерти Клифф сравнил Великий Октябрь с тем революционным актом, который, согласно Новому Завету, осуществил Иисус Христос, когда, оказавшись в Иерусалиме, пришёл в храм и, увидев менял, опрокинул их столы [12, С. 36].

Очарованный, как и многие другие марксисты XX века, мощным воздействием Великого Октября не только на международное левое движение, но и на всё мировое развитие, Тони Клифф видел тем не менее, что эта революция представляла собой сложное, неоднозначное явление. «Октябрьская революция, – отмечал он, – сочетала в себе две

революции: революцию социалистического рабочего класса – продукт зрелого капитализма и крестьянскую революцию – продукт противоречий между поднимающимся капитализмом и старыми феодальными порядками» [6, С. 112]. Однако истинный характер этой революции иной, но долгое время выявить его не удавалось. Из тех причин, которые мешали установить истину, далеко не последнюю роль сыграла серьёзная ошибка, допущенная основоположниками марксизма при создании ими теории социальных формаций и вплоть до последнего времени остававшаяся незамеченной его учениками. Дело в том, что Маркс и Энгельс ошибочно полагали, что уже в XIX веке капитализм созрел для замены на социализм. На самом деле, он не достиг этой зрелости и сейчас, в начале XXI века.

Эта (и не только эта) ошибка нашла своё отражение в знаменитой «пятичленке», которая охватывает всё развитие человечества, начиная с появления первых людей и заканчивая грядущим коммунизмом. Создание основоположниками марксизма формационной «пятичленки» было огромным шагом вперёд в деле научного осмысления развития человечества. Однако очень скоро (после открытия Марксом «азиатского» способа производства) выяснилось, что данная схема слишком груба и нуждается в улучшении. В настоящее время на фоне огромного множества новых фактов, накопленных учёными-историками за последнюю сотню лет, несовершенство формационной «пятичленки» и в историческом, и в логическом плане бросается в глаза. Тем не менее даже в наши дни эту грубую схему многие марксисты считают безупречной, вызывая тем самым насмешки со стороны оппонентов из лагеря буржуазии. На наш взгляд, развитие человечества нужно рассматривать в рамках гораздо более сложной схемы, где каждый относительно самостоятельный отрезок развития и всё развитие в целом состоят из трёх частей. Этот трёхчастный принцип построения схемы человеческой истории диктуется тем, что у всякого развития, если брать его в

полном виде, три основные фазы, которые на языке диалектической логики выражаются терминами «тезис», «антитезис» и «синтез» (так называемая диалектическая триада).

На верхнем уровне теоретического анализа развитие человечества распадается на три фазы, соответствующие общинному (доклассовому), общественному (классовому) и коммунистическому (бесклассовому) строю. На среднем уровне в рамках каждой из этих социальных формаций следует выделять вторичные формации. Например, в рамках общественного строя – натуральное общество, рыночное (капиталистическое) общество и социалистическое общество. Как видим, опять получилось – и совершенно не случайно – три формации.

В свою очередь, в рамках вторичных общественных формаций следует выделять третичные. Например, капиталистическое развитие распадается на либеральное, номенклатурное и глобальное. Это не просто ранний, зрелый и поздний (перезрелый) капитализм, это три капиталистические формации со своими специфическими законами. Подробное обоснование данной трёхуровневой схемы требует отдельного разговора, а пока вернёмся к анализу теории государственного капитализма, которую создал Тони Клифф.

Отметим, что, согласно Марксу и Энгельсу, в России начала XX века победоносная пролетарская революция была невозможна. Пролетарская революция, справедливо полагали основоположники марксизма, должна победить там, где капитализм исчерпал все возможности для своего дальнейшего развития, то есть в наиболее развитых капиталистических странах, а империя Николая II из-за многочисленных феодальных пережитков явно не относилась к их числу. Русская революция, подчёркивали Маркс и Энгельс в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в лучшем случае может послужить сигналом для начала победоносной пролетарской революции на Западе [9, С. 98].

Тем не менее Октябрьская революция

вроде бы опровергла это предсказание основоположников марксизма. Она оказалась победоносной, но пришёл ли к власти рабочий класс? По мнению Клиффа, пришёл, ибо русским рабочим удалось полностью разгромить русскую буржуазию [6, С. 125].

Действительно ли российский пролетариат уничтожил русскую буржуазию, или, как любили выражаться большевики, ликвидировал её как класс? А как же огромная масса крестьянства? В тогдашней России крестьяне составляли подавляющее большинство (свыше 80 %) населения, а всякий крестьянин – это частный собственник, и в рыночных условиях он готовый или потенциальный мелкий буржуа. Вот почему в первые послеоктябрьские годы, как справедливо отмечает Клифф, Ленин и Троцкий были уверены в том, что судьбу русской революции определит победа революции в Германии [12, С. 29].

Хотя немецкая революция потерпела поражение, большевикам удалось обуздать мелкобуржуазную стихию и удержаться у власти. Это казалось чудом: пролетарская власть в крестьянской стране! На самом деле, никакого чуда не произошло, ибо власть оказалась не пролетарской, а номенклатурной, то есть буржуазной. Фокус состоял в том, что впервые в мире к власти пришла не либеральная, а номенклатурная, враждебная либеральной буржуазии. Враждебное отношение номенклатурщиков к рыночной стихии позволило им выдавать себя за представителей пролетариата, и это получалось у них тем успешнее, чем больше было среди них бывших рабочих и чем искреннее остальные воображали, будто они представляют интересы рабочего класса.

Кто такие номенклатурщики и как они эксплуатируют трудящихся, подробно описано в книге М. С. Восленского «Номенклатура» [2]. Правда, Восленский утверждает, будто советский строй не капиталистический, а номенклатура – не буржуазия, но факты говорят о другом: эксплуатируя рабочих, номенклатура присваивает себе производимую ими прибавочную стоимость, а значит,

имеет место самая настоящая капиталистическая эксплуатация.

Многих сбивает с толку, что эта эксплуатация осуществляется номенклатурщиками не напрямую, а через государство, но такая форма эксплуатации не отменяет её капиталистический характер: хотя номенклатурный капитализм противоположен классическому, т. е. либеральному, но это капитализм. И возникает он как закономерный результат монополизации либерального капитализма. Огосударствление капиталистической экономики получило широкое распространение уже в XIX веке, и во избежание недоразумений Энгельс специально отметил, что переход частных предприятий и даже всей национальной экономики в собственность капиталистического государства – ещё не социализм [11, С. 283].

Главной особенностью собственности, которой владеют номенклатурщики, является то, что она коллективная. При этом, в отличие от корпоративной собственности либерального типа, доли номенклатурной собственности не покупаются и не продаются [2, С. 177–178].

По мнению Тони Клиффа, Октябрьскую революцию совершил социалистический рабочий класс. Какие доводы приводит Клифф в обоснование этого тезиса? «В России, – отмечает он, – революция устранила препятствия, мешавшие развитию производительных сил, положила конец остаткам феодализма, ввела монополию внешней торговли, защищающую развитие производительных сил страны от губительного наступления мирового капитализма, и создала одновременно мощное средство для развития производительных сил в форме государственного владения средствами производства» [6, С. 126].

Социально-экономический прогресс, который принёс в Россию Великий Октябрь, Клифф описал очень грамотно, полно и точно, но из того, что он перечислил, ничто не говорит о социалистическом или пролетарском характере этой революции. Зато её номенклатурный характер выступает очень выпукло и зримо. России, чтобы не попасть в

колониальную зависимость от стран-лидеров и, более того, стремительно преодолеть серьёзное отставание от них путём ускоренного накопления капитала, требовалась номенклатурная революция, и, благодаря большевикам, она успешно осуществилась. Разумеется, в силу своей прогрессивности она способствовала и ускоренному развитию российского пролетариата, однако непосредственную выгоду извлекли из неё не рабочие, а номенклатурщики.

НОМЕНКЛАТУРА И БЮРОКРАТИЯ

Согласно Марксу и Энгельсу, все предпосылки, необходимые для перехода к социализму, создаёт буржуазия, но, согласно Клиффу, это не так. «Даже в наиболее развитых странах, – заявляет он, – окажутся некоторые задачи, не выполненные буржуазией, которые придётся завершать победоносной пролетарской революцией. *Перед послеоктябрьской Россией*, – добавляет он курсивом, сознавая, что вступает на скользкую дорожку, – *встала задача завершить историческую миссию буржуазии*» [6, 126]. По Клиффу, пролетариату, чтобы перейти в социализм, необходимо сделать то, что недоделала буржуазия, и, значит, рабочие должны на какое-то – пусть даже очень короткое – время перевоплотиться в капиталистов. И это марксизм?!

В послеоктябрьские годы, а точнее, во второй половине 20-х годов XX века в Советской России, утверждает Клифф, произошёл контрреволюционный переворот, осуществлённый так хитро, коварно, тайно, что ни российские, ни зарубежные рабочие его не заметили [6, С. 144]. Прямо-таки чудо: пролетариат не заметил, что лишился власти! На самом деле, уже Октябрь не был пролетарским, а значит, не было и хитрого контрреволюционного переворота.

Нет, настаивает Клифф, идя по стопам Троцкого и Рицци, переворот был, и к власти пришла бюрократия. Но кто такие бюрократы? Это управленцы, а не правители. Соответственно, бюрократизм – всего лишь стиль

управления, формой господства он ни в коем случае не является. Бюрократ, став правителем, перестаёт быть бюрократом, ибо отныне он не служащий, а господин. Правящий класс советского общества – не бюрократия, а номенклатура, которая, чтобы дезориентировать рабочих, старательно маскируется под административный аппарат [2, С. 131–132].

Как бы ни возражали защитники советского строя, факт остаётся фактом: хотя при этом строе главным собственником производимых в обществе благ официально провозглашается пролетариат, действительным их владельцем является номенклатура. Распоряжаясь общественной собственностью от имени рабочих, номенклатурщики зорко следят за тем, чтобы в реальности у пролетариата не было возможности их контролировать. Если бы они выражали пролетарские интересы, они не только не мешали бы рабочему контролю, но и всемерно способствовали его развитию. На деле получается так: власть – номенклатуре, а рабочим – лишь работа. В свете сказанного хорошо видно, что защита номенклатурной власти как народной или пролетарской может строиться лишь на явно несостоятельном с научной точки зрения предположении, будто какой-то господствующий класс способен распределять общественный продукт в интересах подчинённого класса, поступаясь при этом своими собственными.

Кого преимущественно эксплуатирует номенклатура? Пролетариат. Эксплуатировать крестьян ей несподручно, поэтому при советском строе крестьянство быстро тает, пополняя ряды рабочего класса. Как номенклатурщики эксплуатируют пролетариат? Именно так, как показано в «Капитале», т. е. путём присвоения прибавочной стоимости, создаваемой в процессе промышленного производства. Поэтому, когда Восленский утверждает, что номенклатура – не буржуазия, он явно противоречит фактам. Буржуазия, но очень своеобразная. Эта оригинальность номенклатурной буржуазии, по сравнению с либеральной, позволяет Восленско-

му и другим социологам облекать свои попытки представить советский строй как некапиталистический в форму добросовестного научного исследования.

Капиталисты стремятся получить максимальную прибыль, а у номенклатурщиков такого стремления нет, заявляет Восленский. Это противопоставление не выдерживает никакой критики. На самом деле, и классические (либеральные) капиталисты, и номенклатурщики одинаково жаждут максимального обогащения, однако – вот беда! – на практике и те и другие вместо прибыли нередко получают убытки, откуда и возникает впечатление, будто те или другие не очень-то заинтересованы в росте своих доходов.

Откуда берутся проблемы с максимизацией прибыли у либеральной буржуазии, хорошо известно: мешают периодические кризисы перепроизводства. А что мешает номенклатурной буржуазии? У неё-то таких кризисов нет. «Дело в том, – объясняет Восленский, – что ликвидирована ... рыночно-конкурентная среда» [2, С. 208]. Однако именно ликвидация этой среды и позволяет номенклатуре устранить то, что мешает максимизации прибыли при классическом капитализме. И всё бы хорошо, но, избавившись от кризисов перепроизводства, номенклатурщики сразу же получают другую проблему, мешающую обогащению, – при советском строе в общественном хозяйстве то здесь, то там периодически возникают кризисы недопроизводства, и люди страдают от дефицита.

Сравнение кризисов, характерных, с одной стороны, для либерального капитализма, а с другой – для номенклатурного, позволяет установить причину появления номенклатурного строя. Этой причиной является неизбежный рост монополизации капиталистического рынка и столь же неизбежный рост общественной потребности обуздать сопровождающие монополизацию кризисы перепроизводства, которые неизбежно становятся всё более разрушительными. А буржуазность номенклатурного строя отрицают

на основании того, что он противоположен либерально-капиталистическому: слабые места первого – это сильные места второго, и наоборот.

КОГДА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ?

Чтобы доказать, что российский пролетариат потерял власть лишь во второй половине 20-х годов XX века, т. е. с началом пятилеток, автор «Государственного капитализма в России» использует целый ряд аргументов. Один из главных – история уравнительной оплаты труда, введённой большевиками сразу после Октября.

«С началом осуществления пятилетних планов под лозунгом «победоносного социализма», – пишет Клифф, – все большевистские традиции уравнительности были опрокинуты» [6, С. 62]. Выходит, до пятилеток оплата труда была уравнительной, а с началом пятилеток уравнительность резко исчезла? Однако в реальности дело обстояло гораздо сложнее.

В знаменитой ленинской работе «Государство и революция» (август – сентябрь 1917 года) о первоочередной задаче большевиков после завоевания ими власти написано так: «Всё народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооружённого пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо» [8, С. 33, С. 50]. И это лишь ближайшая цель! С ленинской точки зрения, без её выполнения ни о каком рабочем государстве не может быть и речи.

Придя к власти, большевики не отказались от принципа коммунистического равенства, но уже 27 октября 1917 года начали строить систему распределения, отмеченную заботой, с одной стороны, о равенстве, а с другой – о предоставлении привилегий для

буржуазных специалистов. «Распределение денег, натуральных выплат и услуг, – отмечает Т. С. Кондратьева, – с самого начала подчинилось двойной логике: идеологической и прагматической» [7, С. 82].

Это признаёт и Тони Клифф. После Октября, пишет он, Ленин, требуя от советской власти исходить из принципа равной оплаты труда всех работников, «соглашался с необходимостью некоторых исключений в отношении специалистов... Однако он настаивал на том, чтобы ... разница в оплате была значительно меньшей, чем при царизме, чтобы эта тенденция в будущем развивалась в направлении всё большего выравнивания заработной платы; при этом он не стеснялся называть любое неравенство в этом отношении, обусловленное отсталостью страны, отступлением от социализма, уступкой капитализму» [6, 60].

В подтверждение того, что после Октября Ленин действительно посчитал невозможным для партии большевиков строго придерживаться принципа равенства в сфере распределения, обратимся к ещё одной знаменитой ленинской работе – к «Очередным задачам Советской власти». В этом произведении советская власть характеризуется как «организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своём опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надёжнейшего вождя» [8, С. 36, С. 196]. Под «сознательным авангардом пролетариата» явно имеется в виду партия большевиков.

«Буржуазия побеждена у нас, но она ещё не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена ещё до конца, – пишет Ленин о ситуации, сложившейся в стране в первые послеоктябрьские месяцы. – На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования

капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» [8, С. 36, С. 175]. Отметим странность в данном анализе послеоктябрьской ситуации: Ленин заявляет, что буржуазия побеждена, хотя побеждённой можно было считать лишь фабрично-заводскую буржуазию, т. е. представителей среднего и крупного капитала. Что касается мелкой буржуазии, то говорить о победе над ней или даже всего лишь о подрыве её корней значило выдавать желаемое за действительное. И далее автор «Очередных задач», вопреки своему громкому заявлению о победе российского пролетариата над российской буржуазией, вынужден, не скрывая тревоги, констатировать «мелкобуржуазный характер» страны, «громадное преобладание» в ней «мелкособственнического населения над чисто пролетарским», разгул «мелкобуржуазной стихии распущенности», наличие «мелкобуржуазной тенденции к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов» [8, С. 36, С. 197–198, С. 204, С. 207].

Преодолеть мелкобуржуазную стихию, подчёркивает Ленин, можно лишь посредством пролетарского учёта и контроля. Но вот беда: рабочий контроль введён как закон, но «не стал фактом», ибо его исключительно важное значение для перехода к социализму не очень понимают даже передовые рабочие и крестьяне [8, С. 36, С. 185]. Отсюда напрашивается вывод, который Ленин при всей его честности, смелости и откровенности сделать не отважился: в образовавшейся после Октября советской республике диктатуры пролетариата нет. В самом деле: наличие этой диктатуры означает, что всеми сферами общества, и прежде всего экономикой, управляют рабочие. А что мы видим в России 1918 года? Рабочие не то что не управляли экономическими процессами, а даже не контролировали их, так как не имели соответствующих знаний. И этому не приходится удивляться, ибо большинство

российского населения было неграмотным.

«Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями», – с горечью констатирует Ленин экономическую отсталость России по отношению к ведущим капиталистическим странам [8, С. 36, С. 189]. Чтобы исправить положение, он требует широко использовать специалистов. Казалось бы, разумное предложение, какие могут быть возражения? Но, как отмечает сам Ленин, в своей массе специалисты являются буржуазными. Поэтому, признаётся автор «Очередных задач», привлекая их к работе, советскому правительству приходится предоставлять им «высокие заработки», хотя это не только «отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти», но ещё и *«шаг назад»* нашей социалистической, Советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего» [8, С. 36, С. 178–180].

Не странно ли, что, согласно ленинскому плану, победивший пролетариат должен сделать руководителями строительства социализма буржуазных специалистов, да ещё и предоставлять им высокое жалование? А вот ещё одна странность: советская республика, утверждает Ленин, должна перенять всё ценное из научно-технических завоеваний развитых капиталистических стран [8, С. 36, С. 190]. Оказывается, в капиталистическом мире осталось много ценностей, которых нет в советской республике и без которых строителям социализма никак не обойтись!

Итак, согласно ленинскому плану построения социализма, изложенному в «Очередных задачах Советской власти», рабочие, чтобы сохранить и упрочить диктатуру пролетариата, должны под руководством прогрессивных буржуазных специалистов, вооружённых новейшими научными и техническими достижениями капитализма, подняться до уровня рабочих «передовых наций», т. е. ведущих капиталистических держав. Поскольку диктатура пролетариата, как мы вы-

яснили (причём благодаря самому Ленину), в послеоктябрьской России фактически отсутствовала (даже рабочий контроль существовал лишь формально), в действительности план, изложенный в «Очередных задачах», прямого отношения к переходу от капитализма к социализму не имел. Это был план ускоренного буржуазного развития российского общества под руководством номенклатурщиков – новой, прогрессивной буржуазии, истинных правителей советской республики.

Странности, обнаруженные нами в «Очередных задачах», объясняются тем, что Ленин, с одной стороны, был учеником Маркса, причём самым лучшим, самым грамотным его учеником, а с другой – трезвым, прагматичным политиком. Как ученик Маркса, он исходил из того, что время капитализма прошло и нужно переходить к социализму; как трезвый политик, он видел, что капитализм ещё не пришёл к финишу и продолжает развиваться. Как ученик Маркса, он считал самым прогрессивным, передовым классом того времени пролетариат; как трезвый политик, он видел, что, на самом деле, таким классом является не пролетариат, а номенклатура – класс буржуазных специалистов, стремящийся построить антилиберальное общество с экономикой, работающей по государственному плану. Пока интересы пролетариата совпадали с интересами номенклатуры, это раздвоение личности, свойственное Ленину и многим его соратникам, оставалось почти незаметным, но, когда с помощью рабочих номенклатура пришла к власти, она, естественно, взялась за создание и укрепление не пролетарской, а своей, номенклатурной диктатуры, и теперь характерное для большевиков раздвоение личности стало приобретать резкий, порой трагический характер.

Почему, несмотря на то что подавляющее большинство населения России составляли крестьяне, основная масса которых после раздела помещичьих земель, узаконенного советской властью, либо уже обуржуазилась, либо сочувствовала сельским буржуа (кулакам) и стремилась пополнить их ряды, Ленин

считал, что российская буржуазия разбита? Потому что либеральная фабрично-заводская буржуазия действительно была разбита, а крестьянскую мелкобуржуазную стихию можно было обуздать, пообещав крестьянам преобразовать рынок сельскохозяйственной продукции из либерального в номенклатурный и тем самым защитить их от угрозы разорения, постоянно висящей над ними в условиях свободной конкуренции.

Почему, обнаружив, что российский пролетариат не готов установить свою диктатуру, Ленин не пришёл в отчаяние? Потому что в деле построения социализма большевики всегда рассматривали как главную цель не развитие диктатуры пролетариата, требующее всё большей демократизации общества, а создание плановой экономики. Для скорейшего перевода экономических отношений на плановые рельсы нужен не пролетариат – нужна номенклатурная буржуазия. Вот почему большевики без особых колебаний пошли на широкомасштабное привлечение к управлению советской республикой буржуазных специалистов номенклатурного толка, да ещё и предоставили им высокую оплату и другие привилегии. Что касается демократизации общества, то в этом деле большевики руководствовались принципом демократического централизма, который, жёстко ограничивая демократию стадией выработки программы действий, со временем всё больше трактовался как принцип единоличного диктатора руководителей.

Ленин рассчитывал, что через короткое время, может, даже через год, удастся ликвидировать все отступления от принципа равенства в оплате [8, С. 36, С. 181], но шли годы, а привилегии специалистов даже в условиях Гражданской войны с её «военным коммунизмом» не только не исчезли, а, напротив, несмотря на все ограничения, постепенно росли. В результате, отмечает Кондратьева, «уже в апреле 1920 года на III съезде профсоюзов делегаты возмущались очень сильным расхождением в зарплате (1:8 между рабочими и специалистами)» [7, С. 82].

Откуда стойкое сохранение разрыва в оплате между рабочими и специалистами в стране с диктатурой пролетариата? Научный ответ один: этой диктатуры не было. Данный вывод подтверждается тем, что в середине 20-х годов XX века руководство СССР решило узаконить несоблюдение уравнительных традиций, сложившихся на заре советской власти. «Наступление против этих традиций возглавил Сталин, который объявил, что в основе уравниловки лежит крестьянское мировоззрение, идея равного разделения всех продуктов, психология примитивного крестьянского «коммунизма», что уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом, – пишет, не скрывая своего негодования, Тони Клифф. – Горе тому, кто после этого осмелился бы выступить против разницы в оплате, каких бы огромных размеров она ни достигала. Молотов пошёл еще дальше. На VII Всесоюзном съезде Советов он заявил, что политика большевиков требует решительной борьбы против сторонников уравниловки как сообщников классового врага, как элементов, враждебных социализму» [6, С. 62].

«Всякая пролетарская власть», подчёркивает Ленин в «Очередных задачах Советской власти» и делает это совершенно правильно, должна проводить политику «сведения жалований к уровню платы среднему рабочему» [8, С. 36, С. 179]. Советская власть уже в первые годы своего существования отступила от этой политики, а потом и вовсе отказалась от её проведения. Это ясно говорит о том, что с самого начала (даже при Ленине) она не была пролетарской.

ТОНИ КЛИФФ О РАБОЧЕМ ГОСУДАРСТВЕ

То, что Тони Клифф неверно определил классовый характер Октябрьской революции, связано с изъянами в его теории рабочего государства, специфические черты которой, по-видимому, сформировались именно под влиянием Великого Октября, точнее, вызванного им мощного всплеска мирового рабочего движения. Поэтому неудивительно,

что изложение своего представления о рабочем государстве в третьей главе «Государственного капитализма в России» Клифф начал с упоминания об Октябрьской революции как о «чрезвычайно важном факторе», который непременно нужно учитывать при теоретическом осмыслении современного мира: «Маркс и Энгельс предполагали, что революция начнется в наиболее развитых странах. Таким образом, они считали, что новое общество будет уже с самого начала находиться на более высоком материальном и культурном уровне, чем самые передовые капиталистические страны. Однако каждый прогноз всегда бывает условным. История развивалась не совсем так, как того ожидали Маркс и Энгельс. Революция произошла раньше всего в России, одной из наиболее отсталых капиталистических стран, и рабочие здесь захватили власть в свои руки, тогда как последовавшие за этим революции в более развитых странах не увенчались успехом» [6, С. 105].

Действительно, после смерти основоположников марксизма человечество развивалось «не совсем так», как они предсказывали, но это «не совсем так» относится не столько к их теории рабочего государства, сколько к их утверждению, что капитализм уже созрел, для того чтобы уступить место социализму. Вместо победоносной пролетарской революции, знаменующей наступление эры социализма, произошла победоносная Великая Октябрьская революция – первая в мире номенклатурная революция, возвестившая о вступлении капитализма в новую, номенклатурную фазу своего движения. Да, этого Маркс и Энгельс не предсказывали, потому что приближение номенклатурного капитализма ошибочно приняли за приближение социализма, а загнивание раннего, либерального капитализма за агонию капитализма вообще, но победу пролетарской революции там, где капитализм достигнет вершины, т. е. конечной точки развития, они предсказали абсолютно верно. Великий Октябрь не только не опровергает данного предсказания – напротив, подтверждает

его правильность. В недоразвитой капиталистической стране социализм в принципе невозможен, и, действительно, войти в социализм не удалось ни СССР, ни какой-либо другой стране советского типа из-за их капиталистической недоразвитости.

Рабочее государство, которое, согласно основоположникам марксизма, должно возникнуть в результате победы пролетарской революции, Тони Клифф изображает противоречиво. Особенно плохо преподносит он то, как будут складываться отношения между рабочими и инженерно-техническим персоналом.

Впрочем, сначала данная тема освещается автором «Государственного капитализма в России» очень солидно: «Из всех типов производственных отношений, существующих при капитализме, – отношений между одними капиталистами и другими, между капиталистами и рабочими, между самими рабочими, между инженерно-техническим персоналом и рабочими, между инженерно-техническим персоналом и капиталистами и т. д. – в социалистическом обществе остаются только отношения между самими рабочими в процессе производства; рабочие, объединяемые общественным способом производства, становятся основой для новых производственных отношений» [6, С. 105].

Но дальше Клифф «поплыл»: «Некоторые элементы капиталистических производственных отношений совсем исчезают при социализме вследствие ликвидации класса капиталистов, тогда как другие прослойки, такие как «новый средний класс» (инженерно-технические, финансовые и другие работники), должны влиться в новый общественный строй. Этот «новый средний класс» составляет часть производительных сил и в этом смысле является необходимым элементом производства» [6, С. 105–106]. По Клиффу, «новый средний класс» – «необходимый элемент производства». Если речь о современном капиталистическом производстве, то так оно и есть, однако для социалистического производства, каковым должно быть производство, осуществляемое рабо-

чим государством, это неверно.

Клифф не согласен: при социализме, считает он, инженерно-технические и прочие привилегированные работники капиталистического общества останутся, ибо будет отменена лишь иерархия, в которой «средний класс» занимает в процессе производства более высокое место, чем пролетариат [6, С. 106]. Автор «Государственного капитализма в России» почему-то упускает из виду, что для действительной, а не формальной отмены указанной иерархии должна исчезнуть разница в знаниях, умениях и навыках между рабочими, с одной стороны, и представителями «среднего класса» – с другой.

Одной из главных функций социалистического общества как раз и является устранение остатков этой разницы, причём именно остатков, ибо победоносная пролетарская революция состоится лишь тогда, когда пролетариат станет настолько развитым, что ему окажется по плечу решение любых производственных задач, в том числе инженерных и научных. Таким образом, представители «нового среднего класса» и подобных ему слоёв капиталистического общества могут «влиться в новый общественный строй» лишь в качестве новоиспечённых пролетариев.

«Полная победа социализма, – пишет Клифф, – означает полную ликвидацию различий между умственным и физическим трудом. Ясно, что эти различия невозможно было бы ликвидировать сразу же после социалистической революции, но *рабочий контроль на производстве станет непосредственным мостом между умственным и физическим трудом и отправным пунктом для их будущего слияния, для полной ликвидации классов*» [6, С. 107]. Если полная победа социализма – это полная ликвидация различий между умственным и физическим трудом, значит, в данном случае Клифф трактует социализм как бесклассовое общество, т. е. использует термин «социализм» как синоним термина «коммунизм». При жизни Маркса и Энгельса такое применение данных терминов было обычным, оно встре-

чается и у самих основоположников марксизма. В XIX веке это было простительным, так как марксистская терминология ещё не обрела строгий характер. Однако сейчас это явный анахронизм.

Нынешние марксисты приспособились различать коммунизм и социализм следующим образом: коммунизм – бесклассовое общество, а социализм – его начальная фаза. Казалось бы, проблему, связанную с терминами «коммунизм» и «социализм», удалось полностью устранить, но не тут-то было: понимание социализма как первой фазы коммунизма оказалось порочным.

Дело в том, что, объясняя специфику этой фазы бесклассового общества по отношению к другим, более поздним фазам, её изображают как эпоху диктатуры пролетариата, или эпоху рабочего государства. Именно так трактует социализм Тони Клифф, когда не отождествляет его с коммунизмом. Но термины «диктатура пролетариата» и «рабочее государство» ясно указывают на существование рабочего класса. В результате возникает серьёзное противоречие: социализм – это первая фаза бесклассового общества и в то же самое время последнее классовое (пролетарское) общество. Чтобы устранить данное противоречие, следует рассматривать социализм как такое общество, которое замыкает формационную цепь классовых обществ и тем самым обеспечивает переход к коммунизму, но само коммунистическим не является.

К сожалению, Клифф вместо устранения указанного противоречия предпочёл подержать пагубную для марксизма традицию смешивать классовый строй с бесклассовым. И вот какой «перл» преподносит он читателям на страницах «Государственного капитализма в России»: «В коммунистическом обществе накопление капитала будет обусловлено потребностями народа» [6, С. 109]. Накопление капитала при коммунизме! Оговорка? Вовсе нет: *смешение классового и бесклассового общества – характерная особенность клиффовского марксизма.*

Инженерно-технических работников

Клифф преподносит как необходимый элемент производственного процесса, неотъемлемую часть производительных сил и капиталистического, и коммунистического общества [6, С. 107]. Прелестно: класс («прослойка») инженерно-технических работников – необходимый элемент капиталистического (классового) и коммунистического (бесклассового) производства!

Дальше – больше: «при социализме», пишет Клифф, капиталистическая иерархия, согласно которой статус инженерно-технического работника ниже статуса капиталиста, но выше статуса рабочего, «будет ликвидирована. В переходный период она будет продолжать существовать в одном отношении, но будет ликвидирована в другом отношении. Поскольку умственный труд остаётся привилегией меньшинства, иерархические отношения сохранятся на заводах, железнодорожном транспорте и т. д. даже после пролетарской революции. *Но учитывая, что место капиталистов в этой иерархии займёт рабочее государство, то есть рабочий класс как коллектив, а инженерно-технические работники будут подчиняться рабочим, привилегированное положение работников умственного труда в этом смысле будет ликвидировано*» [6, С. 107].

Если рассматривать снизу вверх иерархию, которая, согласно Клиффу, должна возникнуть в обществе победившего пролетариата, получается такая вот чудо-лестница: инженерно-технический персонал – пролетариат – рабочее государство, или пролетариат как коллектив. Инженерно-технические работники, оставаясь привилегированными работниками умственного труда, окажутся в подчинении у рабочих и «в этом смысле» потеряют свои привилегии! Пролетариат будет занимать сразу две позиции – среднюю и верхнюю: среднюю – просто как пролетариат, а верхнюю – как коллектив! Трудно представить что-то более нелепое! Правда, Клифф утверждает, что пролетариат как коллектив – не пролетариат, а рабочее государство, но это не делает сконструирован-

ную им иерархию менее нелепой, ибо выходит, что два её члена – классы, а третий не класс, так как с марксистской точки зрения государство классом не является. Оно всего лишь орудие господствующего класса, которое необходимо ему для поддержания существующего в обществе порядка.

По примеру буржуазных социологов Клифф явно преувеличивает общественную роль государства, приписывая ему способность самостоятельно участвовать в классовый борьбе, играя роль посредника, арбитра или даже главной общественной силы. Так, по мнению автора «Государственного капитализма в России», государство может быть фактическим собственником средств производства [6, 133]. В период первых пятилеток, утверждает Клифф, Советское государство стало всемогущим, а его руководители – диктаторами [6, С. 117]. Это не марксизм.

«Рабочий контроль над инженерно-техническим персоналом означает подчинение капиталистических элементов социалистическим», – заявляет Тони Клифф [6, С. 107]. Данное заявление выделено курсивом, как имеющее чрезвычайно важный характер. И, действительно, в клиффовской теории рабочего государства тезис о том, что для подчинения капиталистических элементов социалистическим достаточно обеспечить рабочий контроль над производством и распределением, – одно из краеугольных положений. Не случайно чуть ниже автор «Государственного капитализма в России» снова выставляет данный тезис, рассматривая соотношение накопления и потребления в рабочем государстве [6, С. 110]. Между тем ложность утверждения о том, что рабочий контроль позволяет подчинить капиталистов пролетариату, бросается в глаза. Подчинение никогда не сводится к установлению контроля, ибо, чтобы иметь кого-то в своём подчинении, мало контролировать его действия – надо ещё и руководить ими. Вот если бы Клифф в своей выделенной курсивом фразе написал не «подчинение», а «начало подчинения», было бы правильно, но внести такую поправку озна-

чало для него как теоретика рабочего государства примерно то же, что выстрелить себе в ногу.

Тем не менее, чувствуя сомнительность своего заявления о значении рабочего контроля для диктатуры пролетариата, автор «Государственного капитализма в России» поспешил отметить, что инженеры и техники, пользуясь своим монопольным положением работников умственного труда, могут обманывать рабочих и тем самым создавать для нового общества большие трудности [6, С. 108]. Вместо развития этой темы Клифф ограничился цитатой из письма Энгельса Бебелю, не заметив, что она работает против него. Вот эта цитата: «...если в результате войны мы придём к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придётся прибегать к устрашению их, и всё-таки они будут нас надувать...» [10, С. 38, 163]. Энгельс подчёркивает (и совершенно справедливо), что рабочим, строящим коммунизм, нужно не сотрудничать с техническими специалистами, а сразу же ликвидировать их как особый слой и полностью взять на себя все их функции, необходимые для социализма, иначе инженерно-технический персонал, имея возможность обманывать рабочих, непременно воспользуется ею для их эксплуатации, то есть для подчинения социалистических элементов капиталистическим.

Продолжая смешивать классовое и бесклассовое общество, Клифф переходит к теме трудовой дисциплины в рабочем государстве: «В условиях социализма дисциплина будет сознательной, она станет привычкой для свободного народа. В переходный период дисциплина будет представлять собой слияние двух элементов – сознательности и принуждения. <...> Инженерно-технический и административный персонал и т. п. будет занимать особое место в трудовой дисциплине. При капитализме администратор является приводным ремнём, с по-

мощью которого осуществляется капиталистическое принуждение по отношению к рабочим. При коммунизме администратор не будет выполнять функции принуждения. Его отношения с рабочими будут аналогичны отношениям, существующим между дирижёром и руководимым им оркестром, ибо трудовая дисциплина будет основываться на сознательности и привычке. В переходный период рабочие, поскольку это касается их самих, будут одновременно и дисциплинирующим, и дисциплинируемым элементом, субъектом и объектом, а инженерно-технические работники фактически будут служить лишь приводным ремнём – на этот раз рабочего государства, – хотя формально они по-прежнему будут выступать как дисциплинирующая сила по отношению к рабочим» [6, С. 108–109].

После этого рассказа о трудовой дисциплине в рабочем государстве картина производственной жизни в период диктатуры пролетариата стала не яснее, а ещё запутаннее. Инженерно-технические работники, заявляет Клифф, будут «приводным ремнём» рабочего государства и, значит, займут среднее место в его иерархии. Если выше, рисуя эту иерархию, автор «Государственного капитализма в России» помещал инженеров, техников и т. п. в самый низ, то теперь он повысил их социальный статус до среднего – того, какой они имеют при капитализме. Похоже, что изображение иерархии производственных отношений в рабочем государстве получилось у Клиффа путаным и витиеватым неслучайно: тут довольно чётко прослеживается стремление угодить сразу двум классам – и пролетариату, и инженерно-техническому персоналу.

Эта оценка подтверждается сравнением дисциплинирующей функции технического специалиста при диктатуре пролетариата с функцией дирижёра: дескать, никакой классовой эксплуатации рабочих со стороны специалиста не будет, ибо те будут подчиняться ему сугубо добровольно, без всякого принуждения. Клифф исходит из того, что дирижёрство исключает классовую эксплуатацию,

однако это не так.

К примеру, если мы обратимся к эпохе классового образования, то увидим, что самая ранняя, патриархально-деспотическая эксплуатация возникает в ходе руководящей деятельности, сходной с дирижёрской [4]. Патриарх (глава патриархально-деспотического общества) есть руководитель, который единолично присваивает весь общественный прибавочный продукт, но эта его единичность имеет непосредственно общественный характер, ибо является прямым следствием его уникальной общественной функции – функции объединяющего начала. Сходную функцию выполняет и дирижёр, руководящий оркестром.

«...Никто не согласится по доброй воле на уступку лишней доли в общественном продукте кому-то другому», – считает историк И. М. Дьяконов [5, С. 39], однако в патриархально-деспотическом обществе эта «уступка лишней доли» происходит, как правило, добровольно, поскольку патриарх – главный владелец общественной собственности, а остальные члены общества – зависящие от него совладельцы. Подобные отношения имеют место не только в раннем классовом обществе. Они отнюдь не редкость даже при современном капитализме, в основном – в семейной сфере.

Завершая картину рабочего государства, Клифф сравнивает его с капиталистическим. Черты сходства и различия он перечисляет парами: с одной стороны – сходство, с другой – нейтрализующее его различие.

Первая пара: сходство – разделение труда на умственный и физический, различие – рабочий контроль. Что касается разделения труда, то в общем автор «Государственного капитализма в России» прав: оно, действительно, будет присутствовать в рабочем государстве. Но только как исчезающее! *Не может быть рабочим государство, в котором не созрели условия для ликвидации общественного разделения труда.* Клифф считает иначе. С его точки зрения, если государство национализировало частные предприятия и ввело рабочий контроль, то оно

имеет все основания гордо называться рабочим. Разница между рабочим и капиталистическим государством, утверждает Клифф, состоит в наличии или отсутствии рабочего контроля над производством [6, С. 118]. Мы уже выяснили, что это ложь. К сказанному выше добавим, что рабочий контроль в форме надзора со стороны профсоюзов давно и прочно прописался в мире капитала, причём даже там, где сильны либеральные традиции. Во многих капиталистических странах он существует вполне легально, ибо встроен в систему государственного регулирования буржуазной экономики. Однако это любимое детище социал-демократии не столько приближает социализм, сколько создаёт иллюзию социального партнёрства между буржуазией и пролетариатом.

«Рабочий контроль – это мост, пусть даже и узкий мост, к уничтожению различия между умственным и физическим трудом, которое будет полностью осуществлено в коммунистическом обществе...», – заявляет Клифф [6, С. 118]. Но подлинная диктатура пролетариата, а не та, которая предстаёт перед нами на страницах «Государственного капитализма в России», для ликвидации общественного разделения труда будет использовать не рабочий контроль, не его постепенное расширение и углубление (это должно происходить в рамках капитализма), а его радикальную безотлагательную замену на пролетарское управление всеми делами государства, то есть с самого начала рабочие будут брать на себя все управленческие функции и учиться их эффективно осуществлять. В противном случае вместо диктатуры рабочего класса непременно получится диктатура каких-то нерабочих управленцев. Это один из главных уроков советской власти.

Вторая пара: сходство – наличие инженерно-технических работников, стоящих выше рабочих, различие – инженерно-технические работники подчиняются «не капиталу, а воле рабочего государства, коллектива производителей» [6, С. 118]. Вместо этой искусственной, надуманной иерархии, призванной закрепить подчинение пролетариата привилегирован-

ному слою нерабочих управленцев (среднему классу в виде инженерно-технического персонала и высшему классу в виде неких представителей «воли рабочего государства»), будет один-единственный класс – пролетариат. Что касается слоя инженерно-технических работников, то сразу после пролетарской революции он исчезнет, ибо эти работники, потеряв свой особый статус, превратятся в пролетариев. В рабочем государстве отличие этих новоиспечённых пролетариев от потомственных будет состоять лишь в том, что первые будут избавляться от преобладания в их деятельности умственного труда, а вторые – физического.

Третья пара: сходство – наличие принуждения в трудовой дисциплине, различие – «принуждение будет не единственным элементом в трудовой дисциплине и станет всё больше и больше подчиняться элементам сознательности» [6, С. 118]. В этом случае возразить нечего. Разве что стоит внести уточнение: пролетарское принуждение качественно отличается от капиталистического, ибо всегда представляет собой принуждение оплошавшего товарища исправить допущенную им ошибку. Такое принуждение, имея товарищеский характер, не унижает личность, а помогает ей подняться выше, стать совершеннее.

Четвёртая пара: сходство – субъекты хозяйственной деятельности обмениваются эквивалентами, различие – обмен осуществляется, во-первых, путём сознательного руководства экономикой, а не в результате действия стихийных сил и, во-вторых, на основе равных прав собственности на средства производства для всех производителей [6, С. 118]. На этот раз Клифф безупречен, не нужно даже уточнений.

Итак, сопоставив рабочее государство с капиталистическим, мы выяснили, что первое мало чем напоминает второе. У автора «Государственного капитализма в России» вывод получился другим: «Экономика рабочего государства и капиталистическая экономика имеют много общих черт» [6, С. 117]. Неудивительно, что это заключение резко расходится

с нашим: если постоянно смешивать капитализм с социализмом и коммунизмом, итог обязательно окажется таким, к какому пришёл Тони Клифф.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС?

С научной точки зрения клиффовское сравнение рабочего государства с капиталистическим явно ущербно, но не только это сравнение. Автор «Государственного капитализма в России» то и дело явно или неявно сравнивает Советский Союз с развитыми либерально-капиталистическими странами и всякий раз старается провести сопоставление так, чтобы СССР даже в случаях, не допускающих однозначной оценки, выглядел однозначно негативно. За примерами далеко идти не надо: в клиффовском «Государственном капитализме» их предостаточно.

17 апреля 1941 года в газете «Труд» было опубликовано заявление о том, что рабочие, которые не используют все 480 минут рабочего времени на производительный труд, нарушают дисциплину. Разумеется, это заявление – пропагандистский перегиб и его автор явно переборщил, но переборщил и Клифф, прокомментировав данное заявление, сделанное, между прочим, накануне Великой Отечественной войны, чрезмерно бурно и пафосно: «Можно быть уверенным, что за пределами России ни один рабочий в мире не соблюдает этой обязательной «социалистической» нормы!» [6, С. 26].

В конце критического анализа законов СССР о труде Тони Клифф не нашёл ничего лучше, как воспользоваться цитатой из В. Гзовского, смысл которой сводится к тому, что сталинское правительство, чтобы жёстко подавлять всякое недовольство, сделало государственными все каналы, через которые трудящиеся могут защищать свои интересы. Поскольку сталинские законы о труде имели целью не только подавление недовольства, автор цитаты оценил их значение явно односторонне, и не случайно: Гзовский – ярый антисоветчик, который перед тем, как

эмигрировать на Запад, был белогвардейцем. Тем не менее, по мнению Клиффа – почитателя Ленина и Троцкого, белогвардейцу Гзовскому удалось определить значение сталинского трудового законодательства «достаточно хорошо» [6, С. 27]. Хорошо, для чего – для того, чтобы читатель вообразил, будто положение рабочих при либеральном капитализме, безусловно, лучше, чем при государственном?

И вот апофеоз клиффовского предвзятого отношения к СССР: в середине XX века, утверждает автор «Государственного капитализма в России», советский рабочий, по сравнению с английским, был более бедным, чем «русский рабочий во времена царизма по сравнению с английским рабочим в тот же период» [6, С. 46–47]. То есть, согласно Клиффу, советский строй является реакционным не только по отношению к либерально-капиталистическому, но даже по отношению к тому обременённому многочисленными пережитками феодализма капиталистическому строю, который имел место при самодержавном правлении Николая II, но прав ли Тони Клифф?

Поскольку с точки зрения марксизма выяснять, является ли тот или иной общественный строй реакционным, следует путём сравнения его базиса, т.е. способа производства, с базисом его непосредственного предшественника и основного конкурента, проведём соответствующий анализ, с одной стороны, советского (номенклатурного) общества, а с другой – либерально-капиталистического. В этом анализе нам поможет выдающийся американский экономист Роберт Аллен. Его книга «От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции» – лучшее на сегодняшний день исследование экономики СССР.

В своей брошюре «Marxism at the millennium», опубликованной в 2000 году, Тони Клифф подвёл итоги развития человечества в XX веке. Судя по названию брошюры, Клифф самонадеянно полагал, что ему удалось провести краткий анализ данного пери-

ода истории в лучших марксистских традициях. А как вышло на самом деле?

В 1917 году, утверждает Клифф, российский рабочий класс успешно осуществил Октябрьскую революцию, но поражение революционного всплеска на Западе вызвало в СССР поворот вправо [12, С. 29]. В результате Россия оказалась не социалистической, а государственно-капиталистической [12, С. 32]. В общем, картина получилась такая: возникшее в России первое в мире рабочее государство, не получив поддержки с Запада, выродилось в капиталистическое, то есть социальный прогресс сменился явным регрессом. Однако, как мы выяснили выше, Октябрьская революция была не столько рабочей, сколько номенклатурной. Такой же характер, судя по всему, имел и весь революционный всплеск начала XX века.

Теперь перед нами следующий вопрос: как оценить появление первого в мире номенклатурного государства и его последующее развитие? Какую роль – прогрессивную или реакционную – сыграл Советский Союз (в частности, под руководством Сталина) для советского и мирового пролетариата? С точки зрения Клиффа, роль СССР была, безусловно, негативной, ибо, утверждает он, это государство представляло собой «тоталитарную тиранию» [12, С. 32]. Такая характеристика Советского Союза и по смыслу, и по словесному выражению неотличима от либеральной, и неслучайно: как мы видели, автор «Государственного капитализма в России» явно симпатизирует либерально-капиталистическому обществу. Теперь посмотрим, как характеризует Советское государство автор книги «От фермы к фабрике» Р. Аллен.

Аллен не марксист, но, перелопатив огромное количество информации, относящейся к советской экономике, построив на этом массиве данных ряд математических моделей и проведя их тщательный анализ, он получил более марксистское, то есть более экономически обоснованное, решение интересующего нас вопроса, чем то, к которому пришёл считавший себя стопроцент-

ным марксистом Клифф. По мнению Аллена, достижения Советского Союза в период с 1928 по 1970 год по сравнению с другими странами мира, пребывавшими в 20-х годах XX века на схожем уровне экономического развития, являются «чрезвычайно высокими», но даже на фоне наиболее развитых стран Запада их следует рассматривать как «выдающиеся» [1, С. 17]. Политика царской власти, утверждает Аллен, не могла обеспечить быстрого развития России, «...и, если бы в истории страны не было такого эпизода, как коммунистическая революция и советские «пятилетки», Россия и по сей день оставалась бы отсталым государством, находясь на той же ступени развития, которую сегодня занимает большинство стран Латинской Америки или даже Южной Азии...» [1, С. 31].

Таким образом, с точки зрения Аллена, для России советский опыт, несомненно, оказался прогрессивным: страна стремительно и радикально модернизировала свою экономику. Более того, подчёркивает автор книги «От фермы к фабрике», этот опыт сыграл прогрессивную роль не только для России: он показал всем отстающим странам, как можно резко ускорить своё развитие и за короткий срок войти в число стран-лидеров. По мнению Аллена, начало XX века – это Великая Октябрьская революция, а его завершающий этап – распад Советского Союза. «Конечно, – уточняет американский экономист, – были и другие события, имевшие весьма большое значение... Однако все они в значительной степени были обусловлены влиянием экономического роста и политического вызова со стороны СССР» [1, С. 8].

Кто же прав: Тони Клифф или Роберт Аллен? Обратимся к наиболее важным фактам экономической истории Советского Союза. О развитии любой страны, прежде всего, судят по ВВП на душу населения. Согласно таблице 1.1 из книги «От фермы к фабрике» [1, С. 13–14], в СССР этот показатель с 1928 по 1940 год, т. е. во время сталинской индустриализации, вырос более чем в полтора раза, а с 1928 по 1970 год – более чем в 4 раза, тогда

как в Западной Европе он вырос, соответственно, на 14 % и более чем в 2 раза. Налицо впечатляющий прогресс советского общества, но, по Клиффу, это развитие имело не прогрессивный, а реакционный характер.

Откуда взялась у него такая низкая оценка впечатляющих достижений СССР? А вот откуда: *развитие Советского Союза Тони Клифф оценивает через призму рабочего государства, якобы существовавшего в России в первые годы советской власти.*

Ссылаясь на данные С. Прокоповича, Клифф утверждает, что реальная заработная плата советских рабочих с 1922 по 1929 год постоянно росла [6, С. 36]. Правда, в 1922–1923 годах она составляла меньше половины от заработной платы 1913 года, но в 1927 году сравнялась с нею, а в 1928–1929 годах превысила на 15,6 %. В то же время продолжительность рабочего дня сократилась на 22,3 % [6, С. 37]. По мнению Клиффа, эти цифры свидетельствуют о том, что до введения пятилеток Советское государство, несмотря на усиливавшуюся бюрократизацию, замедлявшую рост заработной платы, было рабочим: «В рабочем государстве рост производительности труда сопровождается улучшением положения рабочих» [6, С. 43–44].

Какое интересное рабочее государство: улучшение жизни рабочих сопровождалось улучшением жизни бюрократии, и именно в те два года, когда советский рабочий стал зарабатывать больше, чем при царе, – в 1928–1929 годах – бюрократия сумела резко усилить своё влияние! Клифф не мог не видеть эту странность, и она должна была заставить его серьёзно задуматься о том, действительно ли Советское государство до 1928 года, т. е. до перехода к пятилетнему планированию, было рабочим, но – ничуть не бывало! Между тем именно в указанные два года резко обострилась номенклатурная борьба за власть, и логично предположить, что кратковременное улучшение жизни рабочих по сравнению с 1913 годом, которое, по мнению Клиффа, свидетельствует о рабочем характере тогдашнего государства, на

деле представляло собой не более чем хитрый манёвр сталинской номенклатуры, позволивший заручиться поддержкой пролетариата.

«С введением плана положение коренным образом изменилось, – утверждает Клифф. – Начиная с этого времени накопление шагнуло далеко вперёд, тогда как жизненный уровень масс не только остался далеко позади, но даже, безусловно, понизился» [6, С. 37]. Отсюда вывод: поскольку трансформация рабочего государства в сталинское время привела к обнищанию рабочего класса, она несомненно имела реакционный характер.

Р. Аллен убедительно продемонстрировал, что утверждение Клиффа о массовом падении уровня жизни советских рабочих в период индустриализации базируется на неверном анализе динамики реальной заработной платы. Однако статистика вроде бы подтверждает клиффовскую точку зрения. Даже Аллен, сопоставив доходы граждан СССР в 1927–1928 годах, с одной стороны, и в 1937 году – с другой, отмечает, что реальные доходы трудящихся всех профессий «упали на 13 % и составили 87 % от их объёма в 1927–1928 годах. Доходы работников предприятий упали ещё сильнее – на 30%» [1, С. 197].

Выходит, Клифф прав? Аллен не согласен. Он призывает обратить внимание на то, что «изменение реальных доходов для категории «все трудящиеся» говорит об изменении в покупательной способности некоего «рабочего или служащего со средней зарплатой» как в 1927–1928 годы, так и в 1937 году. Проблема в том, что подобный «рабочий или служащий» 1937 года в конце 1920-х годов не был ни рабочим, ни служащим... Между 1927–1928 и 1937 годами общее число рабочих и служащих выросло с 11,3 млн до 27 млн. за счёт крестьян. Благодаря миграции из села в город число рабочих на заводах увеличилось с 3,5 млн. до 10,1 млн» [1, С. 196–197].

Чтобы рассчитать изменение реальных доходов новоприбывших в города, подчёрки-

вает Аллен, необходимо сравнить их заработок на селе в 1927–1928 годах с городским в 1937 году. Сравнение показало, что в 1928 году средний доход крестьянина составил лишь 57 % от средней городской зарплаты. Среднестатистический житель села, переехавший в город и устроившийся на среднюю должность на производстве, увеличил свой доход на 77 %. С учётом этой миграции, делает вывод Аллен, очевидно, что реальные доходы большинства горожан выросли. «Среднестатистический работник, занятый в промышленности (независимо от профессии), переехав в город, стал потреблять почти на 25 % больше. Данный показатель варьируется относительно сферы промышленности, в которой работает мигрант. В текстильной и пищевой отраслях наблюдался незначительный спад, а в таких сферах, как управление, образование, финансы, угольная промышленность, произошёл наибольший рост». Кроме того, в период индустриализации увеличилась доля работающих горожан, и, например, «в Москве число членов семьи, получающих заработную плату, увеличилось с 1,37 в 1929 году до 1,63 в 1937 году. Этот прирост в 19 % компенсировал большую часть падения реальных доходов в промышленности. Граждане, проживающие долгое время в городах, в 1930-х годах получили возможность сохранить свой прежний уровень потребления за счёт наращивания своего труда» [1, С. 198]. Вдобавок они могли увеличить доход путём повышения квалификации, занятия более высоких должностей и участия в стахановском движении.

Таким образом, хотя сталинская номенклатура отнюдь не баловала рабочие массы и за годы индустриализации реальная заработная плата среднего рабочего упала, доходы большинства советских трудящихся выросли. Особенно выиграли пришедшие в промышленность крестьяне. В результате советский номенклатурный капитализм получил широкую народную поддержку.

Клифф утверждал, что индустриализация привела к снижению потребления. Аллен убедительно показал, что на деле произо-

шло обратное. Правда, отмечает он, в годы первой пятилетки потребление упало, но причиной этого спада была не политика увеличения доли производства средств производства по отношению к производству потребительских товаров, а коллективизация с её трагическими перегибами. «Как только колхозы оправились от этого удара, потребление стало быстро расти. К концу 1930-х гг. объём производства потребительских товаров увеличился почти на 80 %» [1, С. 201].

Рост потребления в период индустриализации подтверждается данными демографии: в конце 1930-х годов среднестатистические мужчина и женщина СССР, по сравнению с серединой 1920-х годов, стали жить, соответственно, на 3 и 5 лет дольше. На рост продолжительности жизни, подчёркивает Аллен, не смогли оказать существенного негативного воздействия ни пресловутый «голодомор», ни массовые репрессии [1, С. 200].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя краткий анализ теории государственного капитализма Тони Клиффа, мы выяснили, что её основные положения не выдерживают серьёзной критики.

Во-первых, Октябрьская революция 1917 года, несмотря на активное участие в ней пролетариата, пролетарской не была. Вместо рабочих к власти пришла номенклатура – новый класс буржуазных эксплуататоров, враждебный по отношению к частновладельческому капиталу. Этот класс начал формироваться ещё в царской России.

Во-вторых, поскольку советская власть с самого начала была не пролетарской, а номенклатурной, не стоит вслед за Клиффом утверждать, будто партийная бюрократия во главе со Сталиным совершила контрреволюционный переворот, в результате которого рабочие лишились власти. В 20-е годы в Советской России имела место борьба разных групп номенклатуры – и только.

В-третьих, советский строй действительно представляет собой государственный

капитализм, но не такой, о каком пишет Клифф. Правильнее называть этот капитализм номенклатурным, ибо при нём собственность на средства производства принадлежит не государству, а номенклатуре. Номенклатурщики – это коллективные собственники, для которых Советское государство – удобная ширма, позволяющая скрывать наличие системы эксплуатации рабочего класса.

И, наконец, в-четвёртых, номенклатурный капитализм – это общественный строй, благодаря которому отсталые капиталистические страны способны догнать страны-лидеры. Обеспечивая ускоренное развитие отсталых стран, номенклатурный капитализм играет не реакционную, а прогрессивную роль.

Библиография / References:

1. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 390 с.

2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

3. Горлов А.В. Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 58–73.

4. Горлов А.В. Эксплуатация и собственность в патриархальном обществе // Вестник государственного и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 16–25.

5. История древнего мира. Кн. 1. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – Изд. 3-е. – М.: Наука, 1989. – 470 с.

6. Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Л.: Издание редакции дискуссионного бюллетеня «Социалистический рабочий», 1991. – 288 с.

7. Кондратьева Т.С. Кормить и править: о власти в России в XVI – XX вв. – М.: Россий-

ская политическая энциклопедия, 2006. – 208 с.

8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание пятое. – М.: Политиздат, 1987–1989.

9. Маркс К. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1983. – 346 с.

10. Маркс К. Сочинения (в 50 т.) / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981.

11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1988. – 482 с.

12. Cliff T. Marxism at the millennium. – London, Chicago, Sydney: Bookmarks Publications Ltd, 2000. – 86 p.

1. Allen R.S. Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii [Farm to Factory: A New Interpretation of the Soviet Industrial Revolution]. – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. – 390 s. (In Russ.).

2. Voslenskiy, M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuzа [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – М.: «Sovetskaya Rossiya» sovместno s MP «Oktyabr'», 1991. – 624 s. (In Russ.).

3. Gorlov A.V. Istorik i filosof M.S. Voslenskiy o gospodstvuyushchem klasse sovetskogo obshchestva [Historian and philosopher M.S. Voslensky about the ruling class of the Soviet society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2020. – №4. – S. 58–73. (In Russ.).

4. Gorlov A.V. Ekspluatatsiya i sobstvennost' v patriarkhal'nom obshchestve [Exploitation and property in a patriarchal society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2012. – № 2. – S. 16–25. (In Russ.).

5. Istoriya drevnego mira [History of the ancient world]. Kn. 1. / Pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoy, I.S. Sventsitskoy. – Izd. 3-ye. –

М.: Nauka, 1989. – 470 s. (In Russ.).

6. Kliff T. Gosudarstvennyy kapitalizm v Rossii [State capitalism in Russia]. – L.: Izdaniye redaksii dis-kussionnogo byulletenya «Sotsialisticheskiy rabochiy», 1991. – 288 s. (In Russ.).

7. Kondrat'yeva T.S. Kormit' i pravit': o vlasti v Rossii v XVI–XX vv. [To feed and rule: about power in Russia in the 16th–20th centuries]. – М.: Rossiyskaya poli-ticheskaya entsiklopediya, 2006. – 208 s. (In Russ.).

8. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works] / Izdaniye pyatoye. – М.: Politizdat, 1987–1989. (In Russ.).

9. Marks K. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. V 3-kh tomakh. T.1 / K. Marks, F. Engel's. – М.: Politizdat, 1983. – 346 s. (In Russ.).

10. Marks K. Sochineniya [Works] (v 50 t.) / K. Marks, F. Engel's. – Izd. 2-ye. – М.: Izdatel'stvo politiche-skoy literatury, 1955–1981. (In Russ.).

11. Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedonnyy gospodinom Yevgeniyem Dyurin-gom [Anti-Dühring. A revolution in science brought about by Mr. Eugene Dühring]. – М.: Politizdat, 1988. – 482 s. (In Russ.).

12. Cliff T. Marxism at the millennium. – London, Chicago, Sydney: Bookmarks Publications Ltd, 2000. – 86 p. (In Engl.).